
Л. Е. ГРИНИН

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ДРУЖБЫ

Говорят, человек – это микрокосм. Это очень верно. А для творческого человека эта древнегреческая мудрость верна вдвойне. Большой, сложный, творческий и нацеленный на поиск лучшего для философии, людей, России мир внутренней жизни Ивана Аршаковича, к огромному сожалению, остановился. Однако он остался жить не только в памяти и душах его близких, друзей, учеников – остались его работы, мысли и начинания, в которых он продолжает жить. Одно из таких значимых начинаний, больших дел – журнал «Философия и общество».

Микрокосм – составная часть макрокосма и Логоса. Для истинного философа, каким был Иван Аршакович, его собственное бытие вмещает в себя бытие всего мира, преломляется там и соединяется в его рефлексии. Философу свойственно постоянно рефлексировать по самым разным поводам. Философ Гобозов не только любил, но и умел хорошо и красиво размышлять, вовлечь собеседника в интересный разговор, спор, а главное, в поиск истины, каким хотелось бы видеть каждую дискуссию. Одним из самых ярких моих впечатлений об Иване Аршаковиче остаются воспоминания о наших беседах с ним за чашкой чая в его гостеприимном доме, где одно время я часто бывал. Говорили о разном: о философии, науке, России, причинах распада СССР, конечно, о Марксе и марксизме, о его малой родине – Южной Осетии, о менталитете разных народов и т. д. Он также любил рассказывать о своих встречах с Реймоном Ароном во Франции, о том, как третьекурсником вступил с ним в переписку, учил французский... Иван Аршакович много сделал для того, чтобы российский читатель смог ознакомиться с работами этого замечательного философа. Он и мне открыл мир Арона, за что я ему особо благодарен. Арон – один из лучших мыс-

лителей XX в., многие положения которого не стареют, например, высказанные в его замечательной работе о молодых демократиях («Демократия и тоталитаризм»). Но, как справедливо указывал Гобозов, Арон начинал как философ истории, основав целое философско-историческое направление, критическую философию истории. И перевод его философских работ в России немало способствовал обогащению нашей философско-исторической мысли. Иван Аршакович не только перевел труды Арона и писал о нем, но и анализировал работы других французских мыслителей.

Мы были знакомы с Иваном Аршаковичем с 1996 г., когда я задумал издавать журнал по философии истории на базе созданного мной издательства «Учитель». Я написал свои предложения целому ряду известных философов, но только Иван Аршакович сразу и без колебаний откликнулся и выразил готовность быть главным редактором нового журнала. Хотя мы были очень разными по возрасту, жизненному опыту и социальному положению, нас объединила и сдружила общая любовь к знаниям, философии и желание что-то сделать в этом направлении. Мы также оба чувствовали, что, помимо общей ситуации кризиса в философии, в ней имеется обширная лакуна (которая существовала и в советское время) – отсутствие специального журнала по философии истории. Эта область очень интересовала нас обоих. И мы начали подготовку к выпуску первого номера журнала. Это был очень активный, напряженный и интересный год. Мы долго обсуждали название журнала, его параметры. Мы обговаривали не только принципиальные вопросы и состав редсовета, но буквально каждую деталь: обложку, эмблему, титул, эпиграф. Иван Аршакович искал авторов, я начал организовывать подписку. На удивление, она сразу же принесла 700 подписчиков. Помню, как удивлен был Юрий Иванович Семенов, узнав об этом. Журнал состоялся, он пришелся в удачную пору, мы угадали потребность в таком издании. И он получил довольно большую известность. Разумеется, львиная доля заслуги здесь была Ивана Аршаковича.

Я всегда воспринимал его как старшего товарища, мне нравились беседы с ним, его верность слову, партнерство, готовность

делать то, что было нужно. Он не гнушался и черновой работой. Так, пока не было электронной почты и Интернета, мы передавали материалы через проводников поездов. Через них же пересылали номера журналов из Волгограда в Москву. Иван Аршакович регулярно приезжал с ручной тележкой на вокзал и вез через весь город довольно приличные грузы. Журнал приобрел известность, но главный редактор Гобозов всегда тщательно и ответственно готовил каждый номер, работал с каждой статьей. При этом он всегда придерживался принципов нашей редакционной политики, о которых мы договорились сразу: наш журнал вне политики, у нас свобода выражения своих мнений, главное в статье – ее научный уровень, а не титулы автора.

Отдельно следует сказать, что это Иван Аршакович сподобил меня на защиту кандидатской диссертации. Фактически содержание диссертации у меня уже было в моих работах (и в итоге я написал диссертацию за полтора месяца), но мне казалось, что это не нужно, что диссертация – это формальность. Разумеется, я ошибался, а Иван Аршакович, как намного более опытный и искушенный на поприще науки человек, знал, что говорил. И он в конце концов меня убедил. Он много помог мне в плане объяснения всей бюрократии защиты, технического оформления работы и автореферата, в чем я тогда был не силен.

Завершить свои короткие воспоминания я бы хотел, сказав о наиболее ярких чертах характера Ивана Аршаковича. Если бы меня спросили, какая черта была в нем определяющей, я назвал бы принципиальность. Когда я учился в школе, характеристика «принципиальный» была одной из самых положительных и важных. Потом это понятие было оттеснено другими. Однако именно верность принципам, даже если очень неудобно их держаться, всегда составляло стержень настоящих характеров. Делай, что должно, и будь что будет.

Он часто говорил то, что думал. Возможно, порой был слишком резким, но не шел на сделку с совестью. И нередко шел на конфликт, чтобы не поступиться принципами. Всегда резко выступал против не порядков, нечестности, коррупции, превращения науки

в кормушку. Когда на совете, членом которого он был, защищался Жириновский, просто не пришел на заседание. Словом, он был исключительно принципиальным человеком, что всегда трудно.

Верность науке, ее идеалам, ее уровню была едва ли не центральной в его понимании принципов. И тем более он не был конъюнктурщиком, как многие, а был верен своим взглядам до самого конца. Он всегда оставался марксистом. И это было не упрямство, а именно верность тому, что он считал правильным. Но при этом он был терпим к плюрализму мнений, открыт к новым идеям.

Ну и наконец, он был по-кавказски и по-русски одновременно очень гостеприимным. В отличие от многих европеизировавшихся москвичей, он любил компанию в своем доме, во всяком случае, и он, и его супруга Людмила Александровна всегда принимали меня очень тепло. Таким он и стоит у меня перед глазами – философ по складу ума, для которого философская рефлексия – это не только работа на кафедре, но и главный смысл и удовольствие, особенно по хорошему русскому обычаю за чашкой крепкого чая и в компании умного собеседника.